

Богомыслие
и личность

Джироламо Савонарола
(1452-1498)

Неистовый флорентийский РЕФОРМАТОР

Личность флорентийского реформатора Джироламо Савонаролы воспринимается весьма неоднозначно исследователями прошлого. Для одних он — ловкий политик, целью которого была власть. Для других — монах-фанатик, уничтожавший произведения искусства в угоду религиозным идеям. Для третьих же, Савонарола — борец с обмирщением церкви тех дней, смело выступивший против папы. Как бы то ни было, его жизнь и смерть оставили значимый след в мировой истории.

Джироламо Савонарола родился в Ферраре в 1452 году в семье известного в городе врача Николо Савонаролы. С детства он был склонен к размышлениям, аскетическим созерцаниям, религиозным устремлениям. В поиске духовности, в возрасте 22 лет, Джироламо поступил в доминиканский монастырь в Болонье. Там он обрел уверенность в том, что жизнь христианина представляет собой непримиримую войну со светскими мирскими ценнос-

тями, с языческо-эпикурейским идеалом Возрождения. Суровый аскетизм, отказ от денег и имущества, литературные способности — все это выдвинуло его персону на передний план монастырской жизни. Он был замечен настоятелем и получил благословение на проповедническое служение. В 1482 году его направили из монастыря проповедовать в разные города, где он оттачивал свое ораторское мастерство.

В 1490 году Лоренцо Великолепный, глава флорентийской республики, пригласил Савонаролу проповедовать во Флоренции, где он, затем, стал настоятелем монастыря Сан-Марко. Его необычайная харизма привлекала в церковь огромные толпы народа. Он обличал роскошь и светскость, предрекая Божье наказание для Италии. После того, как новый папа Александр VI Борджиа взошел на престол, обличения Савонаролы обратились и против него.

В 1494 году французский король Карл VIII вступил в Италию и захватил Флоренцию. В городе не было более уважаемой личности, способной вести переговоры с захватчиком, чем настоятель монастыря Сан-Марко. В это тревожное время Савонарола стал настоящим правителем Флоренции, соединив духовную и светскую власть в своем лице. Он очистил город от грабительского ростовщичества, учредил действительное республиканское правление, учредив Великий Совет. То, что было позволено и создано великим поклонником Ренессанса Лоренцо Медичи, было искореняемо Савонаролой. На улицах пылали «костры тщеславия» в которых горожане уничтожали предметы роскоши.

Обличая пороки папства, продажность и разврат, царившие в Риме, Савонарола ни в коем случае не отвергал догматы католицизма. И хоть никто не мог уличить его в ереси, его стремление к обновлению церкви неизменно привели к конфликту с церковной иерархией. Он был отлучен папой Александром VI от церкви, а затем и народ, уставший от эсхатологических ожиданий суда и неистовых призывов к покаянию, обратился против пророка. Весной 1498 года Савонарола был схвачен, посажен в темницу, пытан, а затем публично казнен на площади. Его тело было сожжено, а прах был развеян над водами реки.

Джироламо Савонаролу можно назвать предтечей Реформации, как и Яна Гуса и Джона Виклифа. Эти люди предвосхитили дух протестантизма, проявившийся в полной мере в деле Мартина Лютера. Литературное наследие Савонаролы представлено такими замечательными произведе-

Савонарола в виде католического святого Петра Веронского (портрет Фра Бартоломео).

ниями, как «О презрении к свету», «О падении церкви», «Размышления о псалме 50». Его рассуждения о смысле жизни и об отношении к смерти нашли место в замечательном произведении «Об искусстве хорошо умирать», отрывки из которого приводятся далее.

Литература

Шеллер-Михайлов, А.К. Савонарола.

Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк // Биографическая библиотека Ф. Павленкова. – URL: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_0040.shtml (дата обращения 27.04.17).

Хорст Херманн. Савонарола. Еретик из Сан-Марко. М.: Прогресс, 1982. – 296 с.

Виллари Паскуале. Джироламо Савонарола и его время. М.: АСТ, 2004. – 832 с.

Джироламо Савонарола. Об искусстве хорошо умирать. // Libros – URL: <http://www.libros.am/book/read/id/334665/slug/ob-iskusstve-khorosho-umirat-1> (дата обращения 27.04.17).

MEMENTO MORI

Мученическая кончина Савонаролы

I

Утром 23 мая 1498 года, около пяти часов, когда Флоренция еще спала крепким сном, и лишь торговцы поспешно катили тележки с зеленью и мясом к рыночной площади, из ворот замка выехала повозка, груженная бревнами и досками. Её сопровождал десяток рабочих, несущих в руках топоры, пилы, лестницы, мотки веревок. Возница, правивший парой лошадей, направил телегу по узкой улочке Виа де Гонди, ведущей к центральной площади Флоренции – площади Синьории.

На главной городской площади, где проходили все общегородские мероприятия, повозка остановилась, и рабочие, сгрузив с нее доски и бревна, взялись за топоры и пилы: они стали сооружать помост, на которых обычно производились публичные наказания. Удары топоров отражались эхом от каменных стен Нового дворца.

Эшафот принимал свои узнаваемые формы. Солнце поднималось все выше. Людей на площади становилось все больше. Рядом с дощатой платформой поднялся вертикально утвержденный столб с перекладиной, вызывавший у наблюдателей невольное сравнение с крестом. Из второй подъехавшей повозки рабочие выгрузили несколько больших связок хвороста и дров, и разместили их у подножия виселицы. Работа была окончена. Плотники поки-

нули площадь, уступив место двум солдатам с алебардами, занявшим место у хвороста. Была уже половина девятого утра. Солнце взошло высоко, площадь наполнялась людьми. Все ждали начала казни.

II

В башне Нового дворца, в камерке, располагавшейся под самым колоколом, на полу под окном, забранным частой решеткой, сидел человек. Его лицо было бледно, на голове сквозь отросшие волосы угадывались очертания монашеской тонзуры. Грязные пальцы с распухшими суставами и изломанными ногтями свидетельствовали о пытках, которым он подвергался. Его руки дрожали мелкой дрожью, распухшие локтевые суставы убедительно сообщали о многих часах, проведенных им на дыбе.

Монах сидел на клоке соломы, прислонившись спиной к стене, так что окно было над его головой, а слабые солнечные лучи из окна отбрасывали свет на противоположную стену. Рядом с ним на полу валялись несколько исписанных листков бумаги. Глаза его были закрыты, лицо выражало глубокую усталость. Но он не спал, вслушиваясь в стук топоров, доносившийся с площади. Он знал, почему стучат топоры. Его жизнь приближалась к концу; помост на площади Синьории будет его последним местом, откуда он увидит небеса.

Узника звали Джироламо Савонарола. Любой флорентинец узнал бы его. Это его голос два месяца назад раздавался там, откуда сейчас доносится стук топоров. Его, пламенного проповедника, политика, противника папы и настоятеля монастыря Сан Марко знали не только во Флоренции. Это по его приказу изгнали из города ростовщиков-евреев и закрыли кабаки. Его почитали и любили простые люди, а князья и прелаты не могли не подчиниться его воле. Он дерзнул протестовать против собственного отлучения папой Александром VI и провозгласил королем Флоренции Самого Христа. И теперь, преданный своими сподвижниками, многократно пытаный, отрекшийся под пытками от своих прежних заявлений (в чем он, затем, раскаялся), он сидел в ожидании своего последнего часа. Листки бумаги, лежавшие рядом с ним, содержали его размышления о жизни, записанные им в продолжение последних недель, проведенных в камере. Слушая стук топоров, он вспоминал свою жизнь.

III

Он вспоминал детство, проведенное в Ферраре, утопающей в садах. Перед его мысленным взором вставали лица отца Николо и матери Элены, уважаемых в городе граждан. Отец, лекарь при дворе герцогской фамилии д'Эсте, оставил неизгладимый след в его характере. От него Джироламо перенял аккуратность и неумную любовь к книгам. Его стремление подражать во всем своему отцу, давало родителям основание полагать, что сын, как и отец, выберет себе путь медицины.

Портрет Джироламо Савонаролы работы фра Бартоломео.

вспоминал, как отвергнутый девушкой, рыдал на скамье в глубине сада. Тогда ему казалось, что жизнь для него потеряла смысл. Именно тогда он задумался о том, почему в мире столько страданий? Почему то, что человек называет счастьем, нередко ускользает от него? Почему несправедливость оказывается могущественней правды? Почему сила подавляет истину? Однажды, будучи на пиру в герцогском дворце, он вышел в сад, чтобы отдохнуть от веселья, и вдруг случайно подслушал разговор двух узников, находившихся в подвале герцогского замка. Он услышал о чудовищной несправедливости заимодавца, безжалостно требовавшего уплаты долга у несчастного крестьянина. Стоны заключенных так противоречили веселью дворца, что Савонарола тогда же поклялся себе, что ноги его больше не будет в этом проклятом доме. Все эти размышления, обстоятельства и разочарования привели его, наконец, к решению вступить на путь монаха. В возрасте двадцати трех лет Джироламо покинул родной дом, и принял монашество в доминиканском монастыре в Болоньи.

Сейчас, находясь в тесной камере, и вслушиваясь в стук топоров, узник понимал, что Его решение стать на путь подвижничества было главным правильным решением в его судьбе. Свои вопросы о смысле жизни он адресовал Тому, кто действительно смог дать на них правильный ответ — Богу. Там в Болоньи, став молодым монахом-доминиканцем, Джироламо осознал, что жизнь — это жестокая война добра со злом, и что став на сторону Бога, он обязан бороться. Оружие его борьбы — слово правды, которую он призван проповедовать людям своей эпохи, с жадностью ухватившимся за

Но не меньше влияния отца было влияние его деда Микеле Савонаролы, богобоязненного христианина, набожного и строгого исследователя Библии. Это он привил сердцу мальчика ясное понимание о Боге, о Его воле для каждого человека. Дедушка Микеле был противником светскости, расцветшей буйным светом в идеях Возрождения. Голос деда, уже после его смерти, звучал в проповедях Джироламо в стенах собора Санта Мария дель Фьоре, когда неистовый проповедник призывал флорентинцев к покаянию в излишествах мирской жизни.

Юные годы, круг друзей, стихи в стиле Петрарки, первая пылкая любовь к красавице Лаудомии Строцци: воспоминания об этом наполняли душу узника сладостной болью. Он

языческие идеалы гуманизма, зачитываемым трудами Платона и Аверроэса, потерявшим страх перед Творцом. В этот период он написал несколько трактатов, отражающих суть этой борьбы. Самыми яркими из них являлись стихи «О презрении к свету» и «О падении церкви». Ища системы в объяснении бытия, молодой монах ухватился за труды Аквината, отца доминиканцев, как за путеводитель по жизни.

Проповедь Джироламо, яростная и страстная, не оставляла равнодушным никого. И знатные, и простые приходили в трепет и восторг, слушая о Боге и суде. На глазах слушателей блестели слезы (за это, впоследствии, всех симпатизирующих Савонароле, прозвонят «плачущими»), в сердцах рождалось глубокое раскаяние и желание жить по-Божьи. Так в числе слушателей оказался молодой студент Болонского университета Пико делла Мирандола, поэт и гуманист. Проповедь Савонаролы так затронула его душу, что он, оказавшись после учебы во Флоренции, предложил правителю города Лоренцо Великолепному пригласить Савонаролу в их город для проповеди. Это было начало того генерального сражения, к которому Бог готовил Джироламо с детства.

IV

Громовой удар колокола над головой узника прервал его размышления. С большим трудом он поднялся с соломы, и, схватившись за прутья решетки, посмотрел вниз. На площади толпился народ. Гвардейцы в блестящих кирасах и шлемах стояли вокруг помоста. Рядом с помостом высился крест, придавая всему происходящему некое подобие Голгофы. Крест, как воткнутый в землю меч, как предвестник надвигающейся беды, чернел на фоне волнующегося людского моря.

— Меч Господень призываю на землю! — прошептал узник, — Скоро! Скоро!

Подгибая дрожащие колени, он опустил на солому. Его голова бесильно склонилась на грудь. Он замер. Воспоминания вновь захлестнули его...

— Меч Господень призываю на землю, и скоро! — звучал его громовой голос с кафедры собора Санта Мария дель Фьоре. А под кафедрой было такое же волнующееся море голов, как и сейчас на площади. — Если не покаешься, Флоренция, тебя постигнет Божья кара! За отступление твое, за грехи твои настало время суда!

Тысячи людей стекались послушать проповедь настоятеля монастыря Сан Марко. После смерти Лоренцо де Медичи Савонарола стал самым уважаемым гражданином города: наследник главы Флорентийской синьории, Пьеро был молод, глуп и расточителен.

Авторитет проповедника усилился еще больше, когда в одной из проповедей он провозгласил, что кара Божья вот-вот постигнет город и инструментом возмездия будет иноземное войско. Вскоре французский король

Карл VIII захватил Флоренцию и занял дворец Медичи, а Пьеро де Медичи позорно бежал. В городе не нашлось более уважаемого человека, чем Савонарола, способного вести переговоры с французами. Беседа с Карлом VIII закончилась моральной победой монаха, снискавшего и у короля глубокое уважение за свою смелость и преклонение перед авторитетом Бога. Французы не только не разорили Флоренцию, но спустя два года покинули город. Джироламо стал абсолютным лидером города.

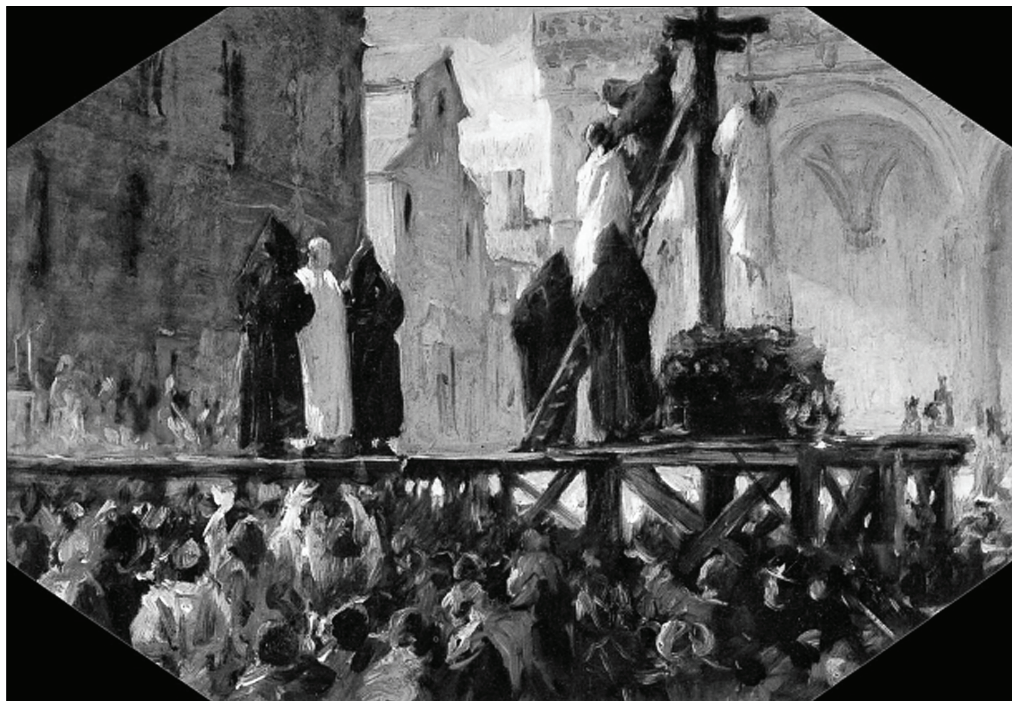
Но целью Савонаролы была не власть, а возвращение к истине. Свой духовный и политический авторитет он направил на изменение грешных законов, на переустройство общественной жизни. Еще будучи в Болонье он осознал, что церковная власть, равно как и власть светская, не чуждается неправды и злоупотреблений. Поэтому он постарался освободиться от власти Рима, сделав монастырь Сан Марко независимым от ломбардской конгрегации. Такой шаг не остался незамеченным новоизбранным папой Александром VI, немедленно направившим во Флоренцию гневное письмо. Когда французский король отступил, Савонарола, при поддержке единомышленников, провел политическую реформу: от правления синьоров город перешел к республиканской форме управления. Были учреждены «Великий совет» и «Совет восьмидесяти». На площадях пылали «костры тщеславия», в которых горожане добровольно сжигали «непотребные вещи». Влияние проповеди было столь велико, что Боттичелли, в порыве религиозного чувства, чуть было не уничтожил свое полотно «Рождение Венеры».

Заскрипел ключ в дверном замке. Дверь распахнулась. На пороге камеры стояли офицер и два чиновника. Узник поднял на них глаза и узнал в них членов следственной комиссии, учрежденной папой для суда над ним. Яростные противники реформ, приверженцы партии «беснующихся», они принимали активное участие в допросах и пытках. Офицер подошел к узнику и поднял за подбородок его голову, заглянув ему в глаза.

— Скоро тебе придет конец! — со злорадной усмешкой проговорил он. — Мы ожидаем лишь папского легата! Погляди в окно. Видишь площадь? Это приготовлено для тебя и твоих дружков! Это вам за всю смуту, в которую вы погрузили город. За богохульство и святотатство. Так что молись Богу о своей грешной душе в твои последние минуты!

Посетители удалились. Узник тяжело поднялся на ноги. Он подобрал листки бумаги и спрятал их под солому. Море голов на площади волновалось. Рядом с помостом на возвышении у стены дворца стоял стол, покрытый белым сукном, стояли стулья для судей. Палач в красной куртке стоял у помоста и что-то весело рассказывал публике. Слушатели его смеялись, поглядывая на окно башни Нового дворца. Эти люди всего несколько недель назад обливались слезами, слушая проповеди Савонаролы. Эти же люди встретили восторженными криками заявление о том, что папская

Казнь Савонаролы. (Картина Стефано Усси, вторая половина XIX в.).

грамота об отлучении пророка от церкви не имеет силы, и что известный всем папа из фамилии Борджиа сам достоин отлучения. Но эти же люди позднее помогли гвардейцам штурмовать монастырь Сан Марко, где укрылся оклеветанный и отверженный проповедник. Такова толпа: как морские волны непредсказуема и неукротима.

Узник опустил голову на решетку окна. На глазах его выступили слезы, губы зашептали молитву. Полтора месяца заключения совершенно разрушили его силу воли, и теперь он ощущал полное бессилие. Ему казалось, что он, как осенний листок, сорванный ветром с ветки дерева, и упавший в воды реки, стремительно уносится силой потока, не имея ни малейшей возможности противостоять этому движению. Безразличие охватывало его...

VI

Когда Савонаролу вывели на площадь, его голова закружилась от яркого света и шума. Его подвели к столу, где расположились судьи. Возле стола, поддерживаемые охраной под руки, стояли еще двое осужденных. Это были монахи Доминик и Сильвестр, сподвижники Джироламо, разделившие с ним и его триумф, и его бесчестье. Они также были осуждены на казнь.

Барабанная дробь, внезапно вспыхнувшая в общем шуме толпы, оборвалась и над площадью застыла мертвая тишина. Из-за стола поднялся человек в судейской мантии, в его руках был кусок пергамента.

— Высочайшим повелением Верховного понтифика и отца нашего папы Александра VI, а также решением «Великого совета» и следственной комиссии, назначенной папой, монах Джироламо Савонарола приговаривается к смертной казни! — начал он звенящим как медь голосом. — Джироламо Савонарола произвел возмущение в городе, лишив его покоя и мира, узурпировав власть и навязав всем нам новые порядки! Он виновен в восстании против верховной власти церкви и в призыве всех христиан к неповиновению папе!

Джироламо не слушал оглашаемый приговор. Его разум, уставший от переживаний, не поспевал за услышанным. Он смертельно устал, и желал лишь одного: чтобы все поскорее закончилось.

Наконец судья кончил, толпа огласила площадь нестройным криком, стражники подхватили осужденных под руки, и повели к помосту, где их ожидал палач в красном. Привычными движениями палач завязал монахам глаза, накинул на их шеи веревки, спускавшиеся с перекладины виселицы, взял в руки молот и одним ударом выбил деревянный клин, фиксировавший дощатый пол под ногами казнимых. Пол рухнул вниз, толпа возопила, послышался хруст костей и три тела задержались в конвульсиях на веревках, натянутых как струны. Под рукоплескания палач победно поднял молот над головой и крик ликования огласил площадь.

Казнь совершилась, осталось лишь сжечь тела казненных. Так постановили судьи. Хворост и дрова были быстро сложены пред помостом, вспыхнул огонь, обливав сухие прутья, доски и тела мучеников. Внезапный порыв ветра отнес пламя в сторону, толпа в ужасе отшатнулась, испуганная видом горящей плоти. Но ветер стих, огонь набрал силу, и спустя минуту тела обрушились в костер с перегоревших веревок. Люди стали расходиться с площади, удовлетворившись зрелищем.

VII

С наступлением темноты, когда угли костра остыли, те же две телеги вновь приехали на площадь. Те же рабочие сгребли пепел в корзины, и, погрузив их в повозки, повезли по улочкам Флоренции к реке Арно. Как было предписано в приговоре, прах был брошен в воды реки, что символизировало полное уничтожение и забвение тех, кто был подвергнут утром публичному наказанию.

Наутро плотники, явившиеся разбирать помост, обнаружили на месте казни охапку цветов. Кто-то под покровом темноты, не желая сделаться известным, принес их к помосту. А в каморке под колоколом тюремный сторож, пришедший для уборки, нашел под соломой несколько грязных и смятых листков, исписанных неровным почерком. Это было последнее наставление, обращенное к своим слушателям проповедником, ушедшим с этой земли.